

Активные динамические процессы в антропонимиконе г. Витебска на протяжении XVII–XX вв.

Значительное число современных антропонимических исследований выполняется в русле регионально-исторического направления: для определения основных тенденций развития любой национальной антропонимной системы необходимо рассматривать историю составляющих ее компонентов по отдельным регионам. Фундамент исторической антропонимики как науки заложили исследования Н.В. Бирилло, С.И. Зинина, А.Н. Мирославской, В.А. Никонова, А.М. Селищева, А.В. Суперанской, О.Н. Трубачева, А.А. Угрюмова, Б.А. Успенского, Л.М. Щетинина и др. Активизация антропонимических исследований в северо-восточных регионах Беларуси связана с научной деятельностью А.М. Мезенко, О.М. Ляшкевич, Е.Ю. Муратовой, Г.К. Семеньковой, И.Я. Кураш.

Цель настоящей работы – сопоставительный анализ особенностей динамических процессов, характерных для антропонимикона г. Витебска в XVII–XX вв.

Наиболее ранним из документов, в котором нашел достаточно полное отражение антропонимикон г. Витебска, является «Инвентарь целого города Его Королевской Милости Витебска с принадлежащими ему некоторыми доходами Ярошем Маскевичем Дворянином Его Королевской Милости при даровании права Магдебургского списанный в году 1641 7 дня». Составленный на старобелорусском языке и изложенный на латинице, он хранится в рукописном отделе библиотеки Академии наук Литвы и до настоящего времени целиком нигде не опубликован. Детальное описание антропонимного поля «Инвентаря...» в контексте формирования общерусской и белорусской систем именования впервые было осуществлено А.М. Мезенко [1–2]. Сведения о развитии антропонимикона жителей Витебщины в XIX в. получены путем анализа системы личных имен «Памятной книжки Витебской губернии на 1861 год» [3], хранящейся в краеведческом отделе Витебской областной библиотеки им. В.И. Ленина. В качестве материала для изучения ситуации имянаречения во второй половине XX в. использовались актовые записи о рождении по Железнодорожному, Первомайскому и Октябрьскому районам г. Витебска за 1941–44–1994 гг., собранные на шести хронологических срезах с интервалом в десять лет.

Сопоставление количественных показателей динамики системы личных имен горожан на протяжении трех столетий свидетельствует о значительном сужении границ современного мужского именника. Количество мужских именований, зарегистрированных в 1641 г. (114 [2, с. 33]), почти в два раза превышает показатель 1994 г. (77 именований), максимальный в XX в., и приближается к сумме личных антропонимов за всю вторую половину XX в. (147 единиц). Общими для именованных систем XVII и XX вв. являются

45 имен: *Адам, Александр, Алексей* (XVII в. – *Аляксе́й, Алёшка*), *Андрей* (XVII в. – *Андрэ́й, Андрэ́йка*), *Антон, Артём, Афанасий* (XVII в. – *Апанас*), *Василий* (XVII в. – *Васі́ль, Васька, Васка, Базыль*), *Владимир, Григорий* (XVII в. – *Грыгору́й, Рыгор, Грышка*), *Давыд* (XVII в. – *Даві́д*), *Даниил, Денис* (XVII в. – *Дзяні́ска*), *Дмитрий, Ермолай* (XVII в. – *Ярмо́ла*), *Захар* (XVII в. – *Захар, Захарка*), *Иван/Ян* (XVII в. – также *Иванка, Янка*), *Илья, Исаак, Кирилл* (XVII в. – *Кіры́л, Куры́ла*), *Лаврентий* (XVII в. – *Лаўры́н*), *Леон* (XVII в. – *Ляво́н*), *Марк, Матвей, Михаил* (XVII в. – *Міхаі́л, Міхал, Міхалка, Мішка*), *Никита* (XVII в. – *Мікі́та*), *Николай* (XVII в. – *Мікала́й, Мікола*), *Никон, Овсей* (XVII в. – *Аўсе́й*), *Осиф* (XVII в. – *Восі́п*), *Павел, Пётр, Прокофий* (XVII в. – *Прако́п*), *Роман, Самуил, Семён, Сергей, Станислав* (XVII в. – *Стас, Стась*), *Степан* (XVII в. – *Сцяпа́н, Стэ́фан, Стафа́н*), *Тимофей* (XVII в. – *Цімафе́й, Цімо́х*), *Устин, Фёдор* (XVII в. – *Фёда́р, Федзя, Ходзька*), *Юрий* (XVII в. – *Юры́й, Юрка, Юрко*), *Яков* (XVII в. – *Яка́ў, Яшка, Якуб, Яцак*), *Ярослав* (XVII в. – *Яраш*). Таким образом, во второй половине XX в. (1941–44–1994 гг.) городской антропонимикон качественно обновился на **69,39%**.

Мужской именник жителей Витебской губернии XIX в. включает в себя **227** антропонимов.

Наблюдение за изменением популярности десяти мужских личных имен, наиболее употребительных в г. Витебске в середине XVII, XIX и конце XX в. (1994 г.), позволяет выделить конкретные именованья, проявляющие сходные фреквентативные показатели на широком хронологическом срезе: лидирующие десятки XVII–XX вв. совпадают только в **одном** имени (*Андрей* XVII в. – **3** / XIX в. – **9** / XX в. – **3** ранг), XVII и XIX – в **четырёх** (*Иван* – абсолютный лидер, *Василий* – абсолютное 6-е место, *Андрей* XVII в. – **3** / XIX в. – **9**, *Михаил* – **7/4**), XIX и XX – в **трех** (*Андрей*; *Александр* XIX в. – **3** / XX в. – **1**, *Антон* – **5/10** ранг). В десятку самых популярных мужских имен витеблян в 1641 г. вошли антропонимы *Иван, Фёдор, Андрей, Григорий, Богдан, Василий, Михаил, Семён, Степан, Яков*; в 1861 г. – *Иван, Николай, Александр, Иосиф, Антон, Василий, Пётр, Игнатий, Андрей, Станислав*; в 1994 г. – *Александр, Дмитрий, Андрей, Евгений, Сергей, Алексей, Владислав, Артём, Павел, Игорь, Антон*. Однако главный вывод кроется не в формальном совпадении цифр, а в том, что из всех личных именованных с повышенной частотностью, зафиксированных в XVII и XIX вв., в именослове XX в. не отмечены только **два** (*Иосиф, Богдан*) и наоборот: всего **3** антропонима, общих для XIX и XX вв., не представлены в «Инвентаре...» 1641 г. (*Владислав, Евгений, Игнатий*). Это является ключевым подтверждением стабильности и преемственности именника жителей г. Витебска в диахронии.

СКО (**средний коэффициент одноименности**, вычисляется по методике В.Д. Бондалетова путем деления числа новорожденных на количество имен конкретного хронологического среза [4]) на протяжении XVII в. – 70-х гг. XX в. проявляет тенденцию к увеличению, однако если за период 1641–1861 гг. усиление номинативной нагрузки на каждое имя составило всего **2,7** единицы (в 1641 г. СКО равен **3,4**, а в 1861 г. – **6,1**), то за период 40–70-х гг. XX в. углубление концентрации именослова происходит в четыре раза быстрее (рост СКО составляет уже **29** единиц). Резкий, социально-исторически обусловленный перелом направленности концентрации в сторону ее сокращения начинается лишь с 80-х гг. XX в., не достигая тем не менее рекордно низкого для 2-й половины XX в. уровня 1941–44 гг.

«Инвентарь...» 1641 г., равно как и «Памятная книжка... на 1861 год», фиксирующие разные способы именованья жителей города и губернии, отражают сосуществование в XVII–XIX вв. двух канонических именных систем – православной, или византийско-греческой, и католической, или римской, что объясняется географическим и историческим своеобразием региона. Как известно,

2-я половина XVI – 1-я половина XVII в. на белорусских землях после объединения Великого княжества Литовского с Польшей в Речь Посполитую (в соответствии с Люблинской унией 1569 г.) проходят под знаком активизации католицизма и его борьбы с православными братствами, выступающими против ополячивания, окатоличивания, национального гнета. И все же в Витебске, исконно православной части Великого княжества Литовского, римско-католический именованослов не получил широкого распространения: **из 114** именованных **3** соотносятся только с именами католических святых и не имеют соответствия в православных месяцесловах (*Геранім; Зенка ← Зянон; Стас, Стась ← Станіслаў*). «Те же, которые канонизированы как православной, так и католической церквами, чаще употребляются в форме, соответствующей византийско-греческой системе именованности мужчин» [2, с. 37].

Число специфических католических имен в XIX в. растет, достигая уже **46** единиц (имена приводятся в орфографии источника): *Адольфъ, Альфонсъ, Артуръ, Бернардъ, Болеславъ, Брониславъ, Бургардъ, Вацлавъ, Витольдъ, Вольдемаръ, Генрихъ, Гервасій, Граціанъ, Густавъ, Доминикъ, Іосафатъ, Казиміръ, Клеовасъ, Ксаверій, Леонардъ, Леопольдъ, Людвикъ, Мамертъ, Марцелій, Наполеонъ, Норбертъ, Оттонъ, Раймондъ, Ричардъ, Робертъ, Розалій, Ромуальдъ, Рудольфъ, Селивонъ, Сигизмундъ, Станиславъ, Фелиціанъ, Фердинандъ, Флорентинъ, Флоріанъ, Франць, Цезарій* (гиперкорректная форма имени *Цезарь*, оформленная финалью по православному образцу), *Эдмундъ, Эдуардъ, Эмилиј, Янь*. **7** личных именованных в противовес восточной (православной) традиции имянаречения являются двойными: *Людвигъ-Вардоломей, Людвигъ-Іосиф, Модестъ-Генрихъ, Платонъ-Александръ, Романъ-Викторъ, Фридрихъ-Августъ, Яковъ-Аполлинарій*. Вероятнее всего, наблюдаемое расширение употребительности католических именованных связано со спецификой анализируемого документа, охватывающего «рописание чиновъ» всей Витебской губернии. Исследователи-краеведы, в том числе филологи, неоднократно указывали на различие в образе мышления и стереотипах поведения «белорусов-литвинов», исторически проживавших в западных частях Великого княжества Литовского, в большинстве своем католиков, и этнически инертных «белорусов-русинов», обитавших в переходной зоне между литвинским и великорусским этническими ареалами, в восточной части Великого княжества и западных районах России [5]. Воссоединение ряда белорусских земель с Российской империей в результате трех разделов Речи Посполитой создало благоприятную почву для проявления русинской подосновы национального самосознания, наиболее заметной в конфессиональном отношении: в г. Витебске в 1861 г. действовало **40** православных церквей, тогда как единоверческих всего **2**, католических **3**, протестантских **1**, еврейских молитвенных школ **6** и синагога **1** [3, ч. II, с. 7]. Сохранение католических традиций в сфере имянаречения, очевидно, поддерживается за счет западных уездов Витебской губернии.

Некоторые антропонимы, входящие в первую часть «Памятной книжки... на 1861 год» [3, с. 1–217], социально маркированы с точки зрения их исключительной принадлежности православному духовенству. Так, только среди чинов Духовного ведомства православного исповедания зарегистрированы личные имена *Анатолий* (**2** употребления), *Дезидерій, Іадоръ, Іасонъ, Іліодоръ, Іоакимъ, Ксенофонтъ, Методій, Паусій* (по **1**). Показательно, что среди чинов католического вероисповедания встречаются канонические имена в византийско-греческом фонетическом оформлении, как то *Іоанн, Венедиктъ, Димитрій, Михаїль*. Возможно, это является прямым следствием ограничения деятельности католической церкви после восстания шляхты 1830–31 гг. за реставрацию Речи Посполитой в границах 1772 г.

Инвентарь и «Памятная книжка...» – особые документы, в которых регистрируются соответственно владельцы собственности (домов, огородов, магазинов и т.п.) и чиновники различных ведомств (гражданского, духовного, военного, ведомства народного просвещения), то есть в основном мужчины, в связи с чем в исследуемых источниках женские формы имен встречаются спорадически. В «Инвентарь...», например, включены главным образом именованные вдов, производные от антропонимных обозначений мужа (андрони-мы): «дом і агарод Анохінай удавы, Істомінай удавы, Масляннікавай удавы, Шлёмавай удавы...» и т.д. [1, с. 64]. В «Памятной книжке...» (часть I) содержится 21 женское имя, из них 12 канонизировано только католической церковью (*Амалія, Клара, Марьянна, Павлина, Доминика, Эмилиа, Францишка, Розалія, Констанція, Домицелія, Болеслава, Вильгельмина*), одно – только православной (*Анимаиса*), 8 – и католической и православной (*Анна, Марія, Елена, Екатерина, Софья, Ефросинія, Дарья, Любовь*).

Активизация антропонимических процессов в женской подсистеме именника, начавшаяся после Октябрьской революции, закономерно привела к расширению его границ: во второй половине XX в. активная часть женского именованного насчитывает 211 имен. Зафиксированные в XIX в. имена *Клара, Марианна, Павлина, Эмилиа, Розалия, Ефросиния* стабильно не выходят за рамки группы единичных антропонимов. Разной степенью популярности в зависимости от особенностей тенденций именованного на конкретных временных срезах отличаются *Анна, Марія, Елена, Екатерина, Дарья, Любовь*.

Витебск на разных этапах истории в силу благоприятного географического положения являлся крупным торговым и административным центром с достаточно интенсивными миграционными процессами. Исторически одной из наиболее крупных национальных диаспор в г. Витебске была еврейская. Анализ репертуара имен третьей части «Памятной книжки... на 1861 год» наглядно показывает, что определенными ремеслами в Витебске XIX в. занимались преимущественно евреи, принесшие в антропонимикон города имена *Мовша* (4 фиксации: золотых дел мастер, жестяных дел мастер, сапожник, скорняк); *Изроель / Изроль* (2: жестяных дел мастер, сапожник); *Шлома* (вариант имени *Соломон*) и *Давыд* (владельцы салосвечных заводов); *Нохимъ, Соломонъ, Зорохъ* (золотых дел мастера); *Залманъ* (6 фиксации: золотых дел мастер, кондитер, 2 сапожника, переплетчик, красильщик); *Гирша* (кондитер); *Шмуйла* (переплетчик); *Вайбишъ, Вульфъ, Осерь* (мужские портные); *Берь-Лейба* (сапожник). В списке чиновников разных ведомств наряду с некоторыми из вышеперечисленных отмечены также личные антропонимы *Айзикъ, Берка, Гирша, Евзель, Евна, Зеликъ, Лейба, Мееръ, Мендель, Мордухъ, Носонъ, Хаимъ, Шебшель, Шевель, Янкель*. Небезынтересным представляется тот факт, что повышенную распространенность в исследуемом документе проявляют имена *Залманъ* (немецкий вариант имени *Соломон*; 7 носителей), *Гирша* (6), *Соломон / Шлома / Шліома* (5), а наиболее употребительные мужские личные именованного еврейского населения Беларуси в XVI–XVIII вв. (по данным А.Н. Фиранчук [6]) *Носонъ, Хаимъ, Мееръ* в совокупности обслуживают только 4-х именованного.

Во второй половине XX в. в результате политики геноцида немецко-фашистских захватчиков периода Великой Отечественной войны и активной репатриации 60–90-х гг. происходит сокращение местной еврейской этнической общности. Из всего богатства специфических еврейских личных имен «Памятной книжки... на 1861 год» XX в. унаследовал только два – *Айзик* и *Файвиш* (оба отмечены в 1954 г.). Как правило, современные витебские евреи пользуются именами, канонизированными православной церковью (*Яков, Аркадий, Юрий, Евгений, Игорь, Вячеслав, Михаил, Наталья, Галина, Ирина, Маргарита* и др.), либо западноевропейскими заимствованиями (*Эдуард,*

Анжелика, Элла, Жанна, Инесса и др.), что целиком соответствует принятым в их среде традициям имянаречения. Недаром в научных работах по ономастике, начиная с 60-х гг. XX в., ведется дискуссия о том, существует ли в принципе самобытная еврейская антропонимика.

В настоящее время влияние национальности родителей на процесс имянаречения ощущается лишь в отдельных случаях. Обычно представители иных национальностей называют детей популярными именами, получившими широкое распространение среди белорусов. К примеру, имя *Александр* присвоили своим сыновьям белорусы и русские, евреи и цыгане, украинцы и поляки, литовцы, болгары, молдаване, греки, чувашаи, осетины; *Татьяной* называли новорожденных девочек не только представители восточнославянских народов, но и латыши, литовцы, поляки, татары, мордвинаы, чувашаи, молдаване, вепсы.

По сравнению с антропонимной системой XVII в., именованье горожан XIX и XX вв. демонстрирует меньшие возможности варьирования. Сокращенные и качественные формы антропонимов, выступающие в памятниках деловой письменности XVI–XVIII вв. в качестве стилистически нейтрального средства дифференциации лиц с идентичными календарными именами, в перечне губернских чиновников 1861 г. не засвидетельствованы, вероятнее всего, под влиянием специального указа Петра I от 1701 г., запрещающего употребление «полуимен» в официальной номенклатуре. В официально-деловых документах XX в. эмоционально-оценочные и гипокористические формы приобретают статус самостоятельных единиц номинации (а не вариантов) и характерны главным образом для женской подсистемы регионального именника.

В целом развитие городского антропонимикона на протяжении трех столетий циклично. Основной движущей силой динамики являются языковые процессы концентрации, стабилизации, расширения/сокращения именного репертуара, а также различные внеязыковые (социолингвистические) факторы. Системность и преемственность именованья витеблян поддерживается за счет употребления традиционных белорусских канонических личных имен (преимущественно православного репертуара), а его качественное обновление к концу XX в. составляет **69,39%**.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Мезенка, Г.** Мужчынскія ўласныя імёны гараджан Віцебска ў сярэдзіне XVII ст. / Г. Мезенка // Віцебскі сшытак. – 1996. – № 2. – С. 64–69.
2. **Мезенка, Г.М.** Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць: манаграфія / Г.М. Мезенка, В.М. Ляшкевіч, Г.К. Семянькова. – Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2006. – 238 с.
3. **Памятная книжка Витебской губернии на 1861 год** (с картой губернии). – Витебск: Типография Губернского Правления, 1861. – 356 с.
4. **Бондалетов, В.Д.** Русская ономастика: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
5. **Рогалев, А.Ф.** От Гомияка до Гомеля: Городская старина в фактах, именах, лицах / А.Ф. Рогалев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гомель: ОДО «Барк», 2006. – С. 106–107.
6. **Фіранчук, А.М.** Мужчынскія ўласныя імёны яўрэйскага насельніцтва Беларусі ў XVI–XVIII стст. / А.М. Фіранчук // Беларуская аанамастыка: зб. арт. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – С. 34.

S U M M A R Y

The aim of the research is to analyze the specific features of the active dynamic process in the anthroponomy system of Vitebsk region in the XVIIth–XXth centuries. The major reasons for the anthroponomy dynamics are the language process of concentration, stabilization, widening/reduction of the name repertoire, as well as various sociolinguistic factors.

Поступила в редакцию 20.01.2009